

— Кто знает, может, за душой есть и другие прозвища, — спокойно улыбнулся Гуань Хаобинь.
— Будь ты хоть обузой на шее родителей, хоть опорой в старости — всё это лишь разные грани их любви.

Увидев эту мягкую, едва заметную улыбку, он прищурился. Сердце внезапно защемило от странной жалости к собеседнику. Он собирался расспросить его подробнее, но в одно мгновение всякое желание лезть в душу пропало. Он не смог заставить себя расспрашивать дальше.

— Слушай, брат, а не хочешь пойти ко мне в компанию? — Тан Шаочуань, осознав, насколько крут Лю Сымянь, загорелся желанием заполучить такого самородка. Из всех его привычных увлечений — курева, кабаков да шлюх — только мордобой и владение оружием можно было назвать хоть сколько-нибудь приличными хобби. А иметь под боком такого мастера — это же сплошное удовольствие! — Должность выбирай любую, окладом тоже не обижу, сам назовешь цифру.

— Братец, вечно ты лезешь со своими дурацкими предложениями, — заметил Гуань Хаобинь, промокнув губы салфеткой. — Человек в брокерской фирме работает, гребет деньги лопатой, просто шевеля языком в теплом кресле. Зачем ему идти к тебе спину гнуть ради копеек?

— Офицер Гуань, вы мне льстите, — без тени смущения соврал Лю Сымянь. — В компании я обычный разнорабочий: бумажки с места на место перекладываю, архивы разбираю. Самая простая рутина, да и платят мне меньше всех.

Эти слова застали присутствующих врасплох.

— Господин Лю, давайте без этого «офицер Гуань», ладно? Звучит как-то слишком официально, — улыбнулся ему Хаобинь. — Я ведь моложе вас. Называйте просто по имени — Гуань Хаобинь.

Лю Сымянь засмотрелся на его улыбку и на секунду выпал из реальности. Придя в себя, он лишь закивал, глуповато соглашаясь.

— И какой же вуз окончил наш великий воин Лю? — полюбопытствовал Ци Фэй, втайне думая, не в глухой ли деревне у дедушки тот получил свое образование.

— Филологический факультет областного пединститута, — буркнул Лю Сымянь, уткнувшись в пиалу с супом.

— Филологический?! — изумился не только Ци Фэй. Гуань Хаобинь и Тан Шаочуань тоже удивились.

— Что, не похож? — Лю Сымянь поднял на них взгляд.

— Да нет, что вы, просто неожиданно, — поспешно замахал руками Ци Фэй.

— А почему в школу не пошел? Педагогический же как раз учителей выпускает, — удивился Тан Шаочуань.

— Да работал я учителем. В шестой школе. Ровно год продержался, а потом подрался с отцом одного оболтуса, ну меня и попёрли, — с легким смущением признался Лю Сымянь, вспоминая былые грехи.

— Подрался? Уволили? — Троица снова переглянулась. Ну и тип! Учитель, который устраивает мордобой с родителями учеников, — это надо было умудриться.

— Молодой был, горячий, — оправдываясь под их ошеломленными взглядами, пробормотал Лю Сымянь.

— Да ты и сейчас, прямо скажем, не старик, — хмыкнул Ци Фэй.

Он прекрасно помнил, как этот «педагог» на днях, толком не разобравшись в ситуации, с одного пинка отправил их молодого господина Гуаня в полет. Сразу видно — парень с характером, так и ищет, обо что почесать кулаки.

— И после увольнения ты сразу устроился к брокерам? — спросил Тан Шаочуань.

— Да где там, — усмехнулся Лю Сымянь. — Сначала устроился в частный учебный центр. Но директор тамошний оказался редкостным гондоном — мелочным, жадным и бессовестным. Нагло обирал учеников. Мы с ним несколько раз сцеплялись по этому поводу, а потом я не выдержал и начистил ему рыло так, что он зубы по полу собирал. Потом работал бухгалтером, крутил баранку на грузоперевозках, совался в продажи... И везде одна и та же история: чуть что не по мне — сразу в драку. Так со всех мест и вылетал. Только в начале этого года осел в брокерской конторе.

— Ого, да у нашего великого воина богатый послужной список, — съязвил Ци Фэй.

— И каково родителям смотреть на эти вечные мытарства? Небось, все нервы себе истрепали, — сочувственно вздохнул Гуань Хаобинь.

— Чего им переживать-то? Любая работа — это кусок хлеба. Сам себя обеспечиваю, зарабатываю честным трудом — разве этого нужно стыдиться?

В душе Лю Сымянь так и покатывался со смеху.

«Эх ты, маменькин сынок в погонах. Думаешь, все вокруг рождаются с золотой ложкой во рту,

как некоторые девицы нежные?»

— Слушай, ну грех же такому таланту бумажки перекладывать! И не обидно тебе за такие гроши горбатиться? — искренне возмутился Тан Шаочуань. — Переходи ко мне, не пожалеешь.

— Да нормально всё, мне хватает. На еду и одежду есть, а золотые горы воротить — тут особый склад ума нужен, у меня его нет, — с благодарностью ответил Лю Сымянь. — Спасибо за предложение, брат Тан. Если меня и оттуда погонят, обязательно приду к тебе просить кусок хлеба.

— Ну надо же, какой непритязательный мастер, — хмыкнул про себя Ци Фэй.

«На лицо вроде приличный человек, а амбиций — как у дворового пса. Тьфу, пустая трата такого таланта к боевым искусствам».

— Довольствоваться малым — это наша семейная черта, — Лю Сымянь смерил Ци Фэя тяжелым взглядом. — Проснулся утром, увидел солнце — вот тебе и счастье. Сыт, одет, крыша над головой есть — вот тебе и богатство. А если всю жизнь только и делать, что за грошом гнаться, то к чему это? На тот свет миллионы с собой не утащишь.

— В наше время, когда каждый норовит урвать кусок пожирнее и растолкать всех локтями, вы, господин Лю, — редкое исключение, — искренне удивился Гуань Хаобинь. Его зацепила философия этого парня.

— Да ничего особенного. Отец мне это с пелёнок в голову вдалбливал. Хочешь не хочешь, а впитаешь, — с напускным вздохом развел руками Лю Сымянь.

— Благородные устои. В наши дни это дорогого стоит, — с уважением произнес Гуань Хаобинь.

Улыбка Хаобиня снова заставила Лю Сымяня зависнуть. В груди опять сладко екнуло.

«Тьфу ты, чертовщина какая-то!» — мысленно обругал он себя.

— Ну, тут надо начинать с наших предков, — поспешно заговорил он, стараясь скрыть замешательство.

— О, ну-ка расскажи, жуть как интересно! — оживился Тан Шаочуань.

— Наше семейное боевое искусство называется «Сверкающий удар ноги семьи Лю». Его создали еще в начале эпохи Мин, — Лю Сымянь охотно пустился в исторические дебри. — Вообще-то до воцарения цинского императора Канси наши предки жили вовсе не в волости Панью уезда Шуанцяо, а на побережье провинции Фуцзянь, промышляя рыболовством из

поколения в поколение. В те смутные времена на берег то и дело нападали пираты-вокоу. Они жгли, грабили, насиловали — творили сущий кошмар. Местные жители, едва заслышав о приближении разбойников, бросали всё имущество и бежали вглубь материка, спасая жен и детей. Какое уж тут добро, лишь бы шкуру сберечь! А когда пираты уходили, люди возвращались на пепелища и отстраивались заново. И вот где-то в годы правления минского императора Юнлэ в нашей деревне объявился странствующий буддийский монах. Бог знает, какая кармическая нить связывала его с нашими предками, но он прожил среди рыбаков больше пяти лет. Именно он обучил деревенских парней особой технике ударов ногами. Постепенно вся деревня увлеклась боевыми искусствами — от мала до велика каждый умел постоять за себя. Пираты ведь действовали набегами: налетели, разграбили и скрылись, надолго на одном месте не задерживаясь. И когда наши предки освоили монастырскую науку, мелкие банды они уже могли громить общими силами, а если наваливалось крупное войско — крестьяне благодаря тренированным ногам успевали вовремя скрыться в горах...

— А, так вы боевые искусства учили, чтобы споро драпать? То-то у тебя ноги от ушей растут, — хмыкнул Ци Фэй.

— Закрой пасть и не перебивай! Не нравится — проваливай отсюда, — оборвал его увлекшийся рассказом Тан Шаочуань.

— А офицер Ци в чем-то прав, — беззлобно отозвался Лю Сымянь, проигнорировав колкость. — В те годы главной задачей было уцелеть. Но во времена правления императора Ваньли в нашей семье родился гений боевых искусств по имени Лю Цяньхан. Он переработал и усовершенствовал древние техники, дав стилю название «Сверкающий удар ноги семьи Лю». И слово «сверкающий» здесь означает не побег, а скорость — быструю, как вспышка молнии. Предки рассказывали, что великие мастера нашего клана могли буквально бегать по воде. — Заметив скептический взгляд Гуань Хаобиня, Лю Сымянь рассмеялся: — Ну ладно, тут потомки явно присочинили ради красного словца. Но вот бегать по стенам и взлетать на крыши — это чистая правда. Многие в нашей деревне этим владеют. Без хвастовства скажу: мой второй старший брат, Лю Сыи, порхает аки ласточка, глазом моргнуть не успеешь.

— Да ладно? Прямо взаправду? — изумился Гуань Хаобинь.

Увидев это по-детски искреннее удивление на лице Хаобиня, Лю Сымянь еле удержался от глупого порыва потрепать его по щеке. Вместо этого он лишь почесал затылок:

— Чистая правда. Стал бы я вешать лапшу на уши господам полицейским?

— Так, а дальше-то что? — сгорал от любопытства Тан Шаочуань. — Вы же сейчас из уезда Шуанцяо, из волости Паньсю. Это же жуть как далеко от моря. Как вас туда занесло?

— Ближе к закату династии Мин набеги продолжались, но пиратами тогда чаще притворялись наши же соотечественники — обычный сброд, которому до настоящих свирепых японских ронинов было как до луны. С такой швалью наша семья справлялась одной левой. Позже пиратские шайки объединились в мощные синдикаты, наладили торговлю, открыли порты и

перестали кошмарить местных. Наоборот, экономика побережья пошла в гору, и народ к контрабандистам привык. Многие из нашей родни тогда даже подались за океан пытаться счастья. Власти, конечно, слали карательные отряды, да только толку было мало: чем сильнее давили, тем больше людей уходило в пираты, спасаясь от кабальных налогов. Служить морским разбойникам хотели куда охотнее, чем проливать кровь за императора.

Но однажды терпение двора лопнуло. На побережье бросили регулярную армию для тотальной зачистки. И надо же было такому случиться: генералы заподозрили, что наша деревня укрывает беглого мятежника, и потребовали выдать его. А наши предки, уверовав в свое боевое превосходство и привыкнув к безалаберности местных гарнизонов, послали офицеров куда подальше. Слово за слово — началась бойня. Никто не ожидал, что на этот раз регулярные войска пойдут до конца. Людей вырезали целыми семьями. Погибло больше половины жителей, а выживших мужчин осталось от силы четверть. С тех пор в наш родовой кодекс навек впечаталось железное правило: «С властями не тягаться».

А потом пришел цинский император Канси. Чтобы окончательно задуть пиратство, этот старый хрыч издал указ об очистке побережья. Всех жителей принудительно угнали на тридцать ли вглубь материка, а прибрежную полосу выжгли дотла. Наша семья снова оказалась на распутье. Мнения разделились, но двое братьев — Лю Чанчжэнь и Лю Чанпу — решили, что сыты по горло приморской жизнью. «Какой смысл вечно дрожать перед чиновниками? — рассудили они. — Уйдем-ка лучше в глухие горы». Собрали пожитки, семьи и двинулись на запад. Шли, пока не забрели в волость Паньсю. Места дикие, леса непроходимые, до цивилизации далеко, а местные крестьяне — народ тихий и простодушный. Там они и осели у подножия гор, распахали целину и пустили корни. Так братья Чанчжэнь и Чанпу стали основателями нашей ветви Паньсю.

Предок Чанпу среди всех отличался недюжинной силой и острым умом, не уступая легендарному Лю Цяньхану. На новом месте он довел наш стиль до ума. Поскольку выживать приходилось в основном охотой, удары ногами стали не просто быстрыми, но и смертельно опасными, а новые связки ударов руками помогли связать воедино всю пластику тела. Кстати, забавный факт: такие приемы в нашем стиле, как «Свинья в отрубях», «Угасающий закат» или «Молотьба праха», придумал именно он. И в каждом названии скрывалась едкая издевка над императором Канси.

— Потрясающе. История одной семьи — словно летопись целого государства, полная драмы и крутых поворотов, — покачал головой Гуань Хаобинь.

— И не говори. Не думал, что вашему «Сверкающему удару ноги семьи Лю» уже больше шести веков. Настоящее наследие, — поддакнул Тан Шаочуань.

— Да, без малого семьсот лет храним традиции, — с нескрываемой гордостью кивнул Лю Сымянь.

— И что, в вашей деревне до сих пор прямо каждый машет кулаками? — с сомнением прищурился Ци Фэй.

— А как иначе? Против воли предков не попрешь. Мальчишек у нас чуть ли не с пеленок гоняют, растяжку делают, на кулаках стоять учат. Ребенок еще толком соображать не умеет, а когда подрастает и начинает что-то понимать — база уже заложена подзатыльниками старших, — рассмеялся Лю Сымянь.

— И тебя так же муштровали? — спросил Гуань Хаобинь.

— Обижаешь! Отец хоть и выбился в партийные начальники, а перечить деду не смел. Дед у меня был лютый, спуску не давал, — Лю Сымянь шутливо шлепнул себя по лбу. — Сам иногда удивляюсь: на дворе двадцать первый век, эпоха высоких технологий, а мы всё машем руками-ногами по средневековым заветам. Дикость, правда?

— Почему сразу дикость? Боевые искусства как минимум укрепляют дух и тело, — мягко возразил Гуань Хаобинь.

— Если бы только это, — Лю Сымянь повернулся к Хаобиню. — У нас в кодексе куча странных правил. Наверное, поэтому среди Лю почти нет карьеристов и рвачей — все привыкли плыть по течению. Предки, спасаясь от пиратов, повторяли детям: «Уцелел — значит, спас всё, а барахло — дело наживное». Нас веками приучали не цепляться за земные блага. Когда перед твоими глазами рушатся богатые усадьбы, вырезают целые династии, а человеческая жизнь ценится дешевле грязи под ногтями, волей-неволей начнешь философски относиться к бытию. Вот так мы и научились ценить простое «здесь и сейчас».

— Принимать жизнь такой, какая она есть — это великая мудрость. Пожалуй, только так и можно ощутить её истинный вкус, — проникновенно заметил Гуань Хаобинь.

— И всё-таки, на кой чёрт вам сейчас эти махи ногами? — задал очередной глупый вопрос Ци Фэй.

Лю Сымянь лениво взглянул на него:

— Офицер Ци, клоните к тому, что раз мы не торгуем своими умениями перед государством, то просто маемся дурью от безделья?

— Ну, должна же быть хоть какая-то практическая польза, — проворчал тот под нос.

— Ци Фэй, ты тупишь не по-детски, — осадил коллегу Гуань Хаобинь. — Здоровье и защита — мало тебе пользы? Или, по-твоему, каждый боксер обязан служить в штурмовом батальоне?

— Вот именно. Ты сам в академии сколько лет приёмы отрабатывал? Покажи класс, съезди в Токио, наваляй там парочке местных якудза, мы хоть поржём, — ядовито усмехнулся Тан Шаочуань.

— Да я же не об этом... — стушевался Ци Фэй. — Просто обидно, что такое классное мастерство пропадает в глуши. Жалко ведь ресурс.

— Ну, почему же пропадает, — улыбнулся Лю Сымянь. — Отец мой служит стране на чиновничьем поприще, а двое братьев — на силовом. Да и молодежи нашей в столицах хватает: кто в личной охране у бизнесменов крутится, кто важных шишек стережет.

— О как! И где они пристроились? — полюбопытствовал Тан Шаочуань.

— Третий и четвертый кузены служат в Спецназе города Хайдун, — с самоиронией ответил Лю Сымянь. — Это я у нас один такой неудачник, перебиваюсь случайными заработками.

— Брось ты прибедняться! С твоими-то кулаками пропасть не дадут, — хлопнул его по плечу Тан Шаочуань.

— Да ладно тебе, — Лю Сымянь впервые за вечер проявил скромность. — В наше время кулаками только уличная шпана себе на жизнь зарабатывает. Я вообще ходячее недоразумение по сравнению с отцом. Он у меня человек выдающийся: и умом бог не обделил — стал уважаемым чиновником, и в боевых искусствах среди своего поколения «Го» был неоспоримым авторитетом. А я? Ни Богу свечка, ни черту кочерга. В науках слаб — из школы выперли, не успел я и года у доски простоять. В кулачном бою — тоже звезд с неба не хватаю, плетусь в самом хвосте нашего поколения «Сы».

Гуань Хаобинь вдруг прищурился и азартно посмотрел на него:

— Слушайте, господин Лю... А не хотите размяться? Может, устроим небольшой спарринг?

<http://bllate.org/book/18980/1899730>